

**Антропологические
ЭТЮДЫ**

Anthropological studies
Studii antropologice

Б. Миличич

Изучение родства, символическое мышление и преистория в антропологии XXI века

B. Miličić.

Kinship Studies, Symbolic Thought, and Prehistory in the 21st Century Anthropology.

Recent advances in linguistics, primatology, and cultural and cognitive anthropology have brought the study of kinship back into focus. This paper suggests that the house as material culture is the depository of meanings about kinship and social organization of distant human past. Since the symbolic thought is necessary to produce kinship categories, the house can also provide valuable insights into human cognition in the past.

B. Miličić.

Studierea fenomenului de rudenie, gândirea simbolică și preistoria în antropologia sec. XXI.

Cercetările recente în domeniul lingvisticii, primatologiei, antropologiei culturale și cognitive din nou au atras atenția specialiștilor asupra studierii fenomenului rudeniei. În acest articol, se pronunță ideea conform căreia locuința, în calitate de obiect al culturii materiale, reprezintă un depozit specific al valorilor de rudenie și organizare socială a omului din trecut. Ținând cont de faptul, că gândirea simbolică este necesară pentru constituirea categoriilor de rudenie, locuința este de asemenea capabilă să ofere date prețioase despre cognitivitatea umană în trecut.

Б. Миличич.

Изучение родства, символическое мышление и преистория в антропологии XXI века.

Последние исследования в области лингвистики, приматологии, культурной и когнитивной антропологии снова обратили внимание на изучение феномена родства. В данной статье выдвигается идея, что жилище в качестве предмета материальной культуры является своеобразным хранилищем значений родства и социальной организации давнего прошлого человека. Учитывая, что символическое мышление является необходимым для построения категорий родства, жилище также способно предоставлять ценные данные о человеческих когнитивных возможностях в прошлом.

Keywords: cognition, prehistory, kinship, symbols, house.

Cuvinte cheie: cognitivitate, preistorie, rudenie, simboluri, casa.

Ключевые слова: познание, преистория, родство, символы, дом.

В 1977 г. Пьер Бурдьё сформулировал концепцию «габитуса» в качестве «образующего принципа». Когнитивные и мотивирующие структуры составляют габитус путем диалектических взаимоотношений между общими социальными условиями и частным состоянием структуры, в которой практикуется габитус (Bourdieu 1977: 78). Эти практики фильтруются объективными условиями и опосредуются индивидуальной деятельностью. Габитус кодирует ряд социальных значений и практик в одно из своих физических проявлений — дом. Особенно заметным обра-

зом габитус Бурдьё и дом выступают в работах Яна Ходдера. Для Ходдера материальная культура — это действие и практика (Hodder 2003). Одной из областей действия и практики, которая близко соотносится с жилищным пространством и закодирована в нем, является область организации родства. Родство обладает поведенческими, материальными и когнитивными аспектами.

Бурдьё определил родственные взаимоотношения в качестве структурирующих принципов социального мира, которые, как таковые, всегда исполняют политические

функции и вместе с матримониальными стратегиями являются необходимыми силами для социального воспроизводства (Bourdieu 1977: 41). В традиционных обществах родство связано не только с политикой, но и с экономической системой в плане разделения труда, часто с корпоративной сущностью родственных групп, равно как с празднествами и обменом. Эти отношения проявляются в материальной культуре традиционных обществ.

В данной работе я хочу рассмотреть то, как современные исследования феномена родства способны предоставить более глубокое понимание социальной организации и когнитивной деятельности в далеком прошлом человечества. Дом в качестве жилища в традиционных обществах является знаком, индексом, символом, метафорой и метонимом, стоящим за родственными группами, и в этом качестве фундаментальным звеном между материальной культурой, родством и социальной организацией. Если подобное определение применимо и для древних обществ, что весьма вероятно, то дом может также представлять собой хранилище информации о человеческом познании, вовлеченном в производство символов и метафор.

Организация и терминология родства являются областью человеческого бытия, представляющей фундаментальный интерес для широкого спектра исследователей, от культурных антропологов до исследователей когнитивных процессов и специалистов по возникновению языка, а также психологов-эволюционистов, лингвистов и археологов. Благодаря своим характеристикам, терминология родства является мощным инструментом для изучения человеческой когнитивной деятельности, преистории и социальной организации, что отражено в недавних работах целого ряда исследователей. В последнее время родство и терминология родства свели воедино несколько дисциплин: культурную антропологию, археологию, биологическую антропологию, историческую лингвистику, когнитивную антропологию и эволюционную экологию (Allen et al. 2008; Chapais 2008; Jones and Milicic, в подготовке). Подобный подход особенно необходим в нашем столетии, которое угрожает разложением классических основ антропологии и отделением многих субдисциплин от ее расколотого центра.

Гоулетт указывает на присутствие значительного количества информации о социокультурном поведении прошлого в археологических данных, что контрастирует с досадным отсутствием исследования родства в археологических книгах, которые «попросту не со-

держат глав с таким названием, как “Родство и брак”» (Gowlett 2008: 41). Гэмбл подытоживает характеристику статуса родства в археологии следующим наблюдением: «... чаще всего археологи не заходят дальше, чем изучение таких понятий, как семья и домашнее хозяйство, обобщено, например, в определении Ходдером домуса и рассуждениях о том, где в неолите жилище, очаг и сосуд стали материальными метафорами домостроения общества» (Gamble 2008: 30). Гэмбл недвусмысленно подчеркивает, что образование великой человеческой диаспоры 60000 лет назад стало возможным благодаря не только освоению новых технологий, но и экспансии социальных сетей, которые предполагали существование когнитивных путей классифицирования социального мира, в частности, родства и сходства, равно как и их метафорических проявлений. «Родство никогда не являлось только генетическим или лингвистическим, но было также и материальным свойством» (Gamble 2008: 32). В силу этого археологи не только должны расшифровать его символические проявления в материальной культуре и определить его роль в социальной организации прошлого, но и могут использовать эти сведения для построения гипотез об архитектуре человеческого разума, который сделал все это возможным.

С того момента, как Леви-Стросс предложил концепцию «sociétés a maison», или «обществ дома», в культурной антропологии были проведены обширные исследования в этом направлении (Lévi-Strauss 1979; 1984). «Общества дома», как определял их Леви-Стросс, не следуют строгим правилам происхождения и брака, концентрируясь на «доме», который соотносится со своими не только настоящими, но и прошлыми обитателями, их союзниками и иногда клиентами, которые контролировали материальную и нематериальную собственность (1984: 190). Жилище часто ассоциируется со специфическим именем и становится показателем социальных отношений и моральных принципов общества (Rogers 1991; Milicic 1992, 1998). Таким образом, жилище является как физической сущностью, так и культурной и материальной категорией. Оно является средоточием семейной и общественной жизни, в котором семья продолжает свое биологическое и социальное воспроизводство, а также служит хранилищем предметов, содержащих символические значения, соотносенных с последовательностью поколений и их социальными отношениями.

Математик и логик Г.С. Пирс выделял три категории знаков (Buchler 1940): нечто, что соотносится с другой вещью, с его объектом,

№2. 2010

в отношении какого-то качества; изображения, которые соотносятся с предметом через внешнее сходство и через его внутреннюю организацию. Например, изображение дома является просто изображением дома, в то время как карта является знаком организации сегмента пространства. Признак является знаком, который соотносится со своим денотатом посредством влияния, которое оказывает денотат на этот знак. Например, в недавних исследованиях по соотношению размера общности, размеров мозга и коммуникативным возможностям было предположено, что размер группы является признаком когнитивных способностей приматов (Dunbar 2001; Gamble 2008). Символ является тем знаком, который соотносится со своим денотатом посредством условного кода. Один и тот же знак может рассматриваться и как изображение, и как признак, и как символ. Например, определенные татуировки полинезийцев представляют собой изображения балок, из которых построено жилище, но они также являются признаками подчинения, вплоть до страданий во время получения татуировки, а также символами гендера и политических отношений (Gell 1993; Hage et al. 1996). Способность интерпретации одного и того же знака в качестве изображения, признака и символа является отличительным качеством человеческих когнитивных способностей и символических соотношений, которые позволяют пространственные и временные перестановки (Deacon 1997).

Жилища часто метафорически соотносятся как с человеческим, так и с космическим телом (Carsten, Hugh-Jones 1995; Fox 1993). Построение метафор является фундаментальным свойством современного человеческого разума, признаком человеческой когнитивной деятельности. Леви-Стросс предположил, что использование метафор является основополагающим в «науке конкретного», где процесс классификации является необходимым для организации мира и, мы бы добавили, для выживания в нем (Lévi-Strauss 1966). Тотемизм является показательным примером того, как взаимоотношения между социальными группами концептуализированы как взаимоотношения между природными категориями (Lévi-Strauss 1963).

В качестве когнитивной операции метафора была провозглашена «величайшей способностью нашего мозга» (Barber and Barber 2006). Метафоры структурно связаны с образным мышлением: мы используем метафоры для выражения малознакомых или сложных концептов в более понятных нам терминах. Лакофф и Джонсон различают пространственно-

ориентирующие метафоры, которые основаны на нашем физическом опыте в качестве млекопитающих, и метафоры, основанные на культуре (Lakoff, Johnson 1980). Они указывают, что метафоры не только определяют существование целых областей культуры, таких как религия и искусство, но и наш повседневный опыт также во многом жидется на них. Метафоры пространственного ориентирования исследовались в интерпретационной археологии, например, в изучении расположения частей тела в погребении (Shanks, Tilley 1982). Хорошо известно, что метафоры родства представлены в большом количестве во многих, если не во всех культурах. Метафорическое расширение понятий родства, таких как фиктивное или ритуальное родство, этничность, членство в определенной религиозной конгрегации и т.д., расширяет социальные сети за пределы области родства. Метафоры родства часто материализуются в использовании таких мотивов, как лозы, ветви и другие растительные композиции, которые распространены в различных культурах (Fox 1971, Milicic 1992; 1996; Gell 1993).

Метафоры, основанные на культуре, требуют понимания феномена социального договора. Например, у африканского народа ндембу три цвета — черный, белый и красный — содержат все самое важное для этой культуры (Turner 1967). Эти три цвета правильнее рассматривать в качестве группы из четырех цветов, поскольку понимание ндембу красного цвета является амбивалентными (Milicic 1989). Эти четыре значения обозначают несколько смысловых уровней: уровень физиологии народа, выраженный видами еды, телесных жидкостей и понятиями отцовства и материнства; уровень социальных взаимоотношений между друзьями и врагами, выраженный верованиями в колдовство, и уровень родства, включая конфликт между счетом родства по женской линии и вирилокальным проживанием и конкуренцией за контроль над детьми. Эти три уровня построены в качестве метафор друг для друга. Метонимы также используются в отношении к дому. Например, в австронезийских обществах большинство домов обладают «ритуальным аттрактором», который является метонимом дома как такового (Fox 1993: 31).

Гэмбл доказывает, что использование материальной культуры в археологии может быть рассмотрено сквозь призму метафор. В частности, следуя Лакоффу и Джонсону (Lakoff, Johnson 1980), использование различных форм вместилищ может быть рассмотрено

в качестве метафор категорий родства, основанных на опыте тела в качестве вместилища (Gamble 2008: 38). Четверная модель родства по Аллену, которая описывает наиболее простейшую форму социальной организации, основанную на четырех категориях родства, также определяет, что категории родства не обязательно зависели от языковых категорий (Allen 1982; 1986; 2008). Родственные группы могли быть символично обозначены, например, различными цветами во время участия в «танце родственников», «зажигательного» ритуального события (Durkheim 1915), которое собирало общество с целью социального и культурного воспроизводства. Вопрос состоит в том, стало бы возможным достижение подобного уровня символического мышления без полностью развитой языковой способности. Стивен Митен использовал архитектурную метафору, собор, для иллюстрации своего понимания когнитивного прорыва, который позволил человеческому разуму переступить через четыре ранее отдельные «часовни», или типы интеллекта: социальный, природный, технический и лингвистический (Mithen 1997). «Покорение» возвышающихся между «часовнями» «стен» стало возможным посредством языка, т.е. символического мышления. Именно разрушение этих «стен», которые разделяли «часовни», или когнитивные модули, позволило появиться метафорам и образному мышлению.

Гэмбл предполагает, что изначальное четверное общество Аллена может быть рассмотрено, прежде всего, как материальная метафора вместилища с четырьмя отделами (Gamble 2008: 34). В этнографических обществах существует множество примеров двойной и четверной организации пространства и его соответствий в других формах материальной культуры, иногда в сопровождении социальной организации и организации родства. Например, административное деление империи инков состояло из четырех суйу, или частей (Zuidema 1990), и эта четырехчастная структура до сих пор присутствует в организации многих городов и деревень по всему Андскому региону. То же четырехчастное деление отражено и в ткачестве, и есть многочисленные данные, которые указывают на то, что кипу инков также основывалось на бинарном коде (Urton 2002; 2003). Для исследования того, насколько эти четырехчастные структуры соответствуют организации родства, следует воссоздать древние андские модели брака. Хэйдж реконструировал систему родства и брака у прото-майя в качестве четырехчастной системы Карьера для

общества прото-майя и периода архаического майя (Hage 2003). Майя разработали сложную космологическую схему, в которой четыре кардинальных направления соответствовали цветам, богам, небесным и метафизическим концепциям, аналогичным мировоззрениям ацтеков. Хэйдж показал, что космология была изоморфной по отношению к четырехчастной системе родства майя.

Кэлвин и Бикертон определили появление комплексного мышления периодом в примерно 50000 лет назад (Calvin, Bickerton 2000). Согласно этим исследователям, данный процесс был сопряжен с развитием долговременного планирования, логической последовательности связей, игр с придуманными правилами и открытием скрытых моделей. Почти за сорок лет до этого Леви-Стросс указал, что в традиционных обществах исчисление родства требует выдающихся когнитивных способностей и что оно содержит все те характеристики, которые много лет спустя были перечислены Кэлвином и Бикертонем (Lévi-Strauss 1965). В своем исследовании совместной эволюции языка и родства А. Барнард соотнес предложенную Кэлвином и Бикертонем (2000) модель трех революций в развитии языка с тремя этапами организации родства (Barnard 2008). Первая «революция обозначения», связанная с возникновением прото-языка и прото-родства, соотносится с *Homo habilis* и *Homo erectus*. Второй была «синтаксическая революция», для которой характерно зарождение рудиментарных форм родства, она соотносится с архаическим *Homo sapiens*. Третья, «символическая революция», ознаменовала собой появление полноценного языка и полноценной системы родства, она соотносится с *Homo sapiens sapiens*. Символическая революция предполагает существование полностью развитой способности к выражению метафор и символизма. В свою очередь, это соотносится с универсальной категоризацией родства, четкими правилами распределения, равно как и с полным набором родственных действий, таких как обмен и разделение (Barnard 2008: 235).

Находясь у истоков социальной организации древнего человека, родство, несомненно, и сегодня является значимым фактором во многих современных обществах. Несомненно, как писал Леви-Стросс, оно являлось определяющим признаком человека. В своей недавней книге «Первобытное родство» приматолог Бернар Шапэ объединил эволюционную перспективу и структуралистскую теорию Леви-Стросса о человеческом родстве, убедительно показав структурное единство ор-

№2. 2010

ганизации человеческого родства (Charpais 2008). Он четко обосновывает необходимость интеграции неисторического структуралистского подхода и диахронического воссоздания процесса организации родства у гоминидов в качестве необходимого условия для функционирования человеческого общества. Терминология родства могла быть тем самым определяющим шагом, который отделил общность приматов от социальной организации гоминид. Терминология родства позволила преждевременное составление союзов с использованием символических связей и перестановок, которые являются отличительным признаком языка человека (Deacon 1997). Исчисление родства требовало установления символических связей и способности классифицирования родственников по категориям, что, в свою очередь, нуждалось в образном мышлении — т.е. в продукте современного разума.

Многие лингвисты проводят лексические реконструкции, которые символически воспроизводят социальный и материальный мир древних культур. Что мы можем вывести из лингвистических реконструкций понятий родства? Основываясь на воссоздании фонетических, семантических, эволюционных и поведенческих аргументов и связей для обширной выборки языков со всего мира, Бенсел с коллегами (Bancel, Mathey de L'Etang 2002; 2005; 2006; Bancel et al., в печати) показывают, что понятия родства «мама» и «папа» представляют собой древнейшие сохранившиеся слова человеческих протоязыков и могут стоять у возникновения языка как такового. Соответствие смысла этих связей на глобальном уровне может быть объяснено общим наследием языка прото-сапиенс, существовавшего еще до первичного распространения современного человека, между 200000 и 50000 лет назад. В пользу этого смелого предположения Бенсел с коллегами приводит также недавние археологические и генетические исследования, которые указывают на южно-африканское происхождение современных гомо сапиенс с анатомической и поведенческой точки зрения.

Кристофер Эрет проводит попытку воссоздания терминологии родства трех африканских прото-языков, вплоть до периода в 15000 лет назад. Лингвистически воссозданные лексиконы четырех известных африканских языковых семей — афразийской, нило-сахарской, нигеро-кордофанской и койсанской — в сочетании с недавними археологическими и генетическими открытиями указывают дату в 15000—13700 лет назад (Ehret 2008; в печати). Терминология родства этих древних носителей языка предоставляет данные об их родственной и социальной организации. Данные Эрета подчеркивают наличие материнского родства в этих древних системах среди представителей как афразийской, так и нило-сахарской семей. Хэйдж (2006) обнаружил лингвистические свидетельства дравидийских систем родства в Африке, в то время как другое исследование терминов родства (Hage, Marck 2003) подтверждает существование матрилокального проживания у древних полинезийцев, что прекрасно соотносится с генетическими данными (Kaeuser et al. 2006).

Археологический памятник не отображает прямо социальную организацию, но реконструкции систем родства в преисторических обществах способны предоставить тот самый поведенческий контекст, в котором материальная культура обретает значение. Сегодня это задача археологов, занимающихся изучением когнитивных и символических структур — ответить на вызов, брошенный многочисленными данными, собранными лингвистикой, приматологией, когнитивными исследованиями и культурной антропологией.

Изучение материальной культуры в археологии, прежде всего пространства обитания, но также и ритуального пространства и погребальных практик, на основе представленных здесь положений о видах организации родства, должно способствовать появлению новых таксономий смыслов в археологическом исследовании и способствовать установлению соотношения материальной культуры с габитусом и действиями, присущими феномену родства.

Литература

- Allen N.J. 1982. A dance of relatives. *Journal of the Anthropological Society of Oxford* 13, 139—46.
- Allen N.J. 1986. Tetradic Theory: An approach to kinship. *Journal of the Anthropological Society of Oxford* 17, 87—109.
- Allen N.J. 1989. The evolution of Kinship Terminologies. *Lingua* 77, 173—85.
- Allen N.J. 2008. Tetradic Theory and the Origin of Human Kinship. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). 2008. *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Bancel P., Matthey de L'Etang A. 2002. Tracing the Ancestral Kinship Systems: Global Etymon KAKA. Part I: A Linguistic Study. *Mother Tongue* 7, 209—243.
- Bancel P., Matthey de L'Etang A. 2005. Kin Tongue. A Study of Kin Nursery Terms in Relation to Language Acquisition, with a Historical and Evolutionary Perspective. *Mother Tongue* 9, 171—190.
- Bancel P., Matthey de L'Etang A. 2006. Kin Terms (P)APA, (T)ATA, (M)AMA, (K)AKA and the Origin of Articulate Language. *Cognitive Systems* 7—1, 79—102.
- Bancel et al., in print: Bancel P., Matthey de L'Etang A., Ruhlen M. The Proto-Human Words PAPA and MAMA and the Origin of Articulate Language. In: Jones D., Milicic B. (eds.) *Kinship and Language: Per Hage and the Renaissance of Kinship Studies*.
- Barber E.W., Barber P.T. 2006. *When They Severed Earth from Sky: How the Human Mind Shapes Myth*. Princeton: Princeton University Press.
- Barnard A. 2008. The Co-Evolution of Language and Kinship. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.) *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Bourdieu P. 1977. *Outline of a Theory of Practice*. R. Nice, trans. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buchler J. (ed.) 1940. *The philosophy of Peirce. Selected writings*. New York: Harcourt, Brace, and Company.
- Calvin W.H., Bickerton D. 2000. *Lingua ex Machina: Reconciling Darwin and Chomsky with Human Brain*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Carsten J., Hugh-Jones S. 1995. *About the House: Lévi-Strauss and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chapais B. 2008. *Primeval kinship*. Cambridge: Harvard University Press.
- Deacon T. 1997. *The symbolic Species*. New York: W.W. Norton.
- Dunbar R.I.M. 2001. Brains on Two Legs: Group size and the Evolution of Intelligence. In: de Waal F.B.M. (ed.). *Tree of Origin: What Primate Behavior can Tell Us About Human Social Evolution*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Durkheim E. 1915. *The Elementary Forms of the Religious Life*. J.W. Swain, trans. London: Cohen and West.
- Ehret C. 2008. Reconstructing Ancient Kinship in Africa. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Ehret C., in print. Reconstructing Ancient Kinship: An African Case Study. In: Jones D., Milicic B. (eds.). *Kinship and Language: Per Hage and the Renaissance of Kinship Studies*.
- Fox J.J. 1971. Sister's child as a plant: metaphors in an idiom of consanguinity. In: Needham R. (ed.). *Rethinking Kinship and Marriage*. London: Tavistock.
- Fox J.J. (ed.). 1993. *Inside Austronesian Houses: Perspectives on Domestic Design for Living*. Canberra: Research School of the Comparative Austronesian Studies, ANU.
- Gamble C. 2008. Kinship and Material Culture: Archaeological Implications of the Human Global Diaspora. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Gell A. 1993. *Wrapping in Images: Tattooing in Polynesia*. Oxford: Clarendon Press.
- Gowlett J.A.J. 2008. Deep Roots of Kin: Developing the Evolutionary Perspective from Prehistory. In: Allen N.J., Callan H., Dunbar R., James W. (eds.). *Early Human Kinship: From Sex to Social Reproduction*.
- Hage P. 2003. The Ancient Maya Kinship System. *Journal of Anthropological Research* 59, 5—21.
- Hage P. 2006. Dravidian Kinship system in Africa. *L'Homme* 177—8, 395—408.
- Hage et al. 1996: Hage P., Harary F., Milicic B. Tattooing, gender, and social stratification in Micro-Polynesia. *Journal of the Royal Anthropological Institute incorporating Man* 2 (2), 335—350.
- Hage P. Marck J. 2003. Matrilineality and the Melanesian origin of Polynesian Y-chromosomes. *Current Anthropology* 44, 121.
- Hodder I. 1982. *Symbolic and Structural Archeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hodder I. 1989. *The Meanings of Meaning: Material Culture and Symbolic Expression*. London: Unwin Hyman.
- Hodder I. 2003. *Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones D., Milicic B., in press. *Kinship and Language: Per Hage and the Renaissance of Kinship Studies*.
- Keyser et al 2006: Keyser M., Bauer S., Crodaux R., Casato A., Lao O., Zhivotovsky L.A., Moysse-Faurie C., Rutledge R.B. 2006. Melanesian and Asian Origins of Polynesians: mtDNA and Y-Chromosome Gradients Across the Pacific. *Molecular Biology and Evolution* 23 (11), 2234—2244.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lévi-Strauss C. 1965. The Future of Kinship Studies. *Proceedings of the Royal Anthropological Institute for 1965*, 13—22.
- Lévi-Strauss C. 1966. *The Savage Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lévi-Strauss C. 1979. *La Voie de Masques*. Paris: Plon.
- Lévi-Strauss C. 1984. *Paroles Données*. Paris: Plon.
- Lévi-Strauss C. 1963. Totemism. R. Needham, trans. Boston: Beacon Press.
- Milicic B. 1989. A Group Model of Ndembu Color Symbolism. *Semiotica* 73 (1—2), 121—132.
- Milicic B. 1992. Vine of Kinship, fields of lavender: Kinship, gender, and social stratification in an insular Mediterranean community. Ph.D. dissertation. Salt Lake City: University of Utah.
- Milicic B. 1998. The Grapevine Forest: Kinship, Status, and Wealth in a Mediterranean Community. In: Schweizer T., White D. (eds.). *Kinship, Networks, and Exchange: New Directions in Kinship Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 15—35.
- Mithen S. 1997. *The Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art, Religion and Science*. London: Thames and Hudson.

№2. 2010

- Rogers C. 1991. Shaping Modern Times in Rural France: The Transformation and Reproduction of an Aveyronnais Community. Princeton: Princeton University Press.
- Schweitzer T., White D. (eds.). *Kinship, Networks, and Exchange: New Directions in Kinship Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shanks M., Tilley C. 1982. Ideology, Symbolic Power and Ritual Communication: A reinterpretation of Neolithic Mortuary Practices. In: Hodder I. (ed.). *Symbolic and Structural Archeology*. Cambridge [Cambridgeshire]; New York, N.Y.: Cambridge University Press, 129—54.
- Turner V. 1967. *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*. Ithaca: Cornell University Press.
- Urton G. 2002. *Narrative threads: Accounting and Recounting in Andean Khipu*. Austin TX: University of Texas Press.
- Urton G. 2003. *Signs of the Inca Khipu: Binary Coding in the Andean Knotted-String Records*. Austin: University of Texas Press.
- Zuidema T. 1990. *Inca Civilization in Cuzco*. Translated from the French by J.-J. Decoster. Austin: University of Texas Press.

Статья поступила 29 ноября 2009 г.

Вojka Miličić (Salt Lake City, USA). Associate Professor. Anthropology Department, University of Utah.

Вojka Miličić (Salt Lake City, SUA). Conferențiar universitar. Departamentul Antropologie, Universitatea din Utah.

Миличич Бойна (Солт-Лейк-Сити, США). Доцент. Отдел антропологии, Университет Юты.

E-mail: bojka.milicic@anthro.utah.edu

